

© 1995 г.

М.Н. РУТКЕВИЧ

О РОЛИ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ

РУТКЕВИЧ Михаил Николаевич - член-корреспондент РАН. Наш постоянный автор.

Роль субъективного фактора существенно возрастает на поворотах истории, когда осуществляется один из возможных вариантов дальнейшего развития народов и государств. Субъективный фактор многогранен и может выступать в разном обличье: от стихийного выступления масс, как это было в феврале 17 года, до целеустремленного жесткого управления государством, как это было в годы Отечественной войны.

В том, что крутой исторический поворот произошел на наших глазах в последнее десятилетие, не может быть сомнений. В результате поражения в третьей мировой («холодной») войне, распада Союза и проводимых сверху преобразований, носивших псевдонимы «перестройки» и «реформ», Россия к настоящему времени оказалась обрубленной беловежским топором на юге и западе к допетровским границам и находится где-то на полпути к реставрации капитализма и в состоянии глубочайшего социального кризиса. Наступила уже национальная катастрофа или страна находится на ее пороге? Мнения на сей счет высказываются различные, мы склоняемся к первому. Тем более крайне насущным представляется вопрос о возможности и необходимости нового поворота истории - от продолжающегося падения к выздоровлению. С теоретической точки зрения это вопрос **о роли субъективного фактора в сложившейся трагической ситуации**, о том, в какой ипостаси он может и должен проявиться, чтобы положить конец «смутному времени».

Следует учитывать два основных структурных «сечения» этого фактора. Первый (с известной долей условности) можно было бы назвать *гносеологическим*, проходящим по цепочке: эмоции-разум—действие. Более подробно эту цепочку можно расшифровать как переход от эмоционального восприятия и оценки социальной реальности к рациональному осмыслению ситуации, выработке идеальных целей, а затем к практической деятельности по их осуществлению, изменению общественных отношений. Второе «сечение» определяется социальной структурой общества и его (с той же долей условности) можно было бы назвать *социологическим*, т.к. оно характеризует взаимодействие социальных групп внутри общества. Безусловно, оба «сечения» переплетаются и в чистом виде могут быть выделены лишь в абстракции. Одним из основных видов социального взаимодействия, которое включает в себя борьбу и сотрудничество, являются отношения между «верхами» и «низми» общества, состоящими в разные эпохи из различных классов, социальных групп и слоев. Властные полномочия монополизированы первыми, но вторые так или иначе заставляют считаться со своими интересами. Способы могут различаться в колоссальном диапазоне - от смены правительства в результате демократических выборов до стихийного взрыва обездоленных масс. Известные слова Пушкина о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном» были высказаны при обращении поэта к отечест-

венной истории, но в них, на наш взгляд, не следует искать специфику «русского духа»; явлению этому присущ всеобщий характер.

После данного небольшого теоретического вступления, которое не окажется излишним, обратим внимание читателя на вопрос о роли субъективного фактора в сложившейся в нашей стране ситуации в особой, весьма широко распространенной формулировке: почему проводимый «сверху» вот уже четвертый год курс экономической и социальной политики не встречает достаточного (для коренного изменения этого курса) сопротивления тех социальных групп и слоев, которые в совокупности составляют большинство общества и испытывают на «своей спине» последствия этой политики, а именно невиданное для мирного времени снижение жизненного уровня и утрату значительной части ставших чертами образа жизни социальных завоеваний?

В социологической литературе (и публицистике) широко обсуждается вопрос о «пороговых критериях» социального взрыва, т.е. показателях падения производства, снижения жизненного уровня, разрушения социальной сферы, углубления пропасти между бедностью и богатством и т.д., «достижение» которых свидетельствует о нарастающей опасности и реальной возможности социального катаклизма; при этом надо, конечно, принимать во внимание, что в разные исторические периоды и в разных странах эти показатели должны различаться. Но как бы ни оценивать ситуацию, сложившуюся в Российской Федерации в результате трех с половиной лет «реформирования» экономики, эти «пороги» уже оставлены позади. Действительно, промышленное производство сократилось более чем наполовину, а решающие наукоемкие отрасли едва дышат на уровне 20-30% к 1990 г. Свертывание инвестиций в производство неминуемо ведет к старению и выбытию основных фондов, деиндустриализации страны. Сельское хозяйство разорено вследствие диспаритета цен и конкуренции импорта, продовольственная независимость страны подорвана. Безработицей (считая скрытую) охвачено до 20% активного населения, и она неизбежно будет возрастать вследствие банкротства предприятий.

Социальная дифференциация превратилась в подлинную пропасть между верхними 5-10% населения и 60-70%, пребывающими в бедности и нищете. На полугодное существование обречены люди, чьи денежные доходы ниже прожиточного «физиологического» минимума. Численность таковых в первом квартале 1995 г. возросла до 30,4% (45,1млн. человек) по сравнению с 25,3% годом ранее. И это по официальным данным, которые занижены. По свидетельству ответственного работника Минтруда В. Бобкова, «значительную часть экономики мы не контролируем и мало что о ней знаем», а доходы 5% населения нам «неизвестны» [1].

Общепринятым показателем дифференциации является так называемый «децильный коэффициент» (соотношение доходов 10% лиц с высшими доходами к 10% лиц с низшими), который в советское время колебался в диапазоне 3-5. С началом гайдаровских реформ он быстро пошел вверх и к 1994 г. возрос по денежным доходам до 15, но зарплате - до 21. Новая «демократическая» бюрократия («номенклатура»), сохранившая и умножившая привилегии прежней, и новая буржуазия, выросшая из «теневой» экономики, развернувшаяся под сенью «Закона о кооперации», и к настоящему времени сосредоточившая свою мощь в коммерческих банках, - таковы две составные части современной российской элиты, которые сближаются и частично смыкаются. На другом полюсе находится основная масса работников наемного труда: рабочих, служащих, ИТР неблагополучных в финансовом отношении отраслей и предприятий (таковых сугубое большинство); «бюджетники» - врачи, учителя, мелкие служащие госучреждений, работники науки и культуры; крестьянство, положение которого несколько смягчается наличием личного подсобного хозяйства; наконец, многодетные семьи, пенсионеры, безработные, растущая масса беженцев, вынужденных переселенцев, бездомных и т.д.

В Москве, где сосредоточены, с одной стороны, верхушка разбухшего бюрократического аппарата и 75% российского капитала и, с другой стороны, масса выбитых из

колеи людей, указанный коэффициент достигает 50. Это уже совсем недалеко от цифры 60, прозвучавшей на конференции ООН по социальному развитию в Копенгагене, как характеризующей сравнительный уровень благосостояния людей в странах «золотого миллиарда» и «четвертого мира». Россия на глазах превращается в сырьевой придаток, в свалку отходов мирового хозяйства и резервуар дешевой квалифицированной рабочей силы, в страну дикого «периферийного» капитализма, где компрадорская буржуазия переплетается с организованной преступностью.

Концентрированное выражение беды современной России находят в процессе вымирания народа: в 1994 г. смертность населения вдвое превысила рождаемость, естественная убыль составила 920 тыс. человек. Средняя продолжительность предстоящей жизни снизилась для мужчин до 58-59 лет, т.е. ниже возраста выхода на пенсию.

Продолжение нынешней социально-экономической политики грозит стране крахом. Тем не менее, президент РФ Б.Н. Ельцин полон оптимизма. В конце апреля он заявил, что «в стране ощущаются положительные изменения». «Положительные изменения», оказывается, состоят в том, что в апреле промышленное производство снизилось «всего» на 6%, в то время как годом ранее на 23%. Президент предсказал в этом же выступлении «стабилизацию промышленности и финансовой сферы к концу текущего года» [2]. Напомним, что еще в октябре 1991 г. на Съезде народных депутатов РСФСР им же было сказано: «у нас есть возможность за несколько месяцев стабилизировать экономическое положение и начать процесс оздоровления...». Сколько раз с тех пор звучали несбывшиеся аналогичные заявления! Независимые эксперты предсказывают к концу 1995 г. очередное снижение промышленного производства на 7% [3]. Призывы к стабильности становятся чем-то вроде ритуальных заклинаний, но они столь же действительны, как молитвы крестьян, просивших у сил небесных дождя в засушливый год.

Государственные чины высших рангов продолжают усердно развивать этот сюжет, поскольку валовый уровень промышленного производства в мае возрос на 1% по сравнению с маем прошлого года - за счет добычи топлива и сырья, а также выплавки металла, идущих на экспорт; охотно ссылаются также на некоторое понижение курса доллара на бирже. Помощник президента А. Лившиц, выступая по телевидению 2 июня с.г., усмотрел в этих явлениях начало стабилизации. При этом он умолчал о хорошо известных ему, как опытному экономисту, признаках дальнейшей дестабилизации экономики: снижении уровня инвестиций (на 20% сравнительно с прошлым годом), продолжающемся падении производства в машиностроении и других наукоемких отраслях, а также в легкой и пищевой промышленности, о прогрессирующем разрушении научно-технического потенциала и т.д. Умолчал он и об ухудшении основных показателей социальной сферы, продолжающемся снижении реального жизненного уровня основной массы населения. Последнее попытался на свой лад объяснить видный публицист либерального направления О. Лацис. В статье в «Известиях» он начинает с повторения тезиса президента: «финансово-экономическая ситуация за последние месяцы заметно изменилась к лучшему». Но Лацис вынужден считать за реальностью - хотя бы со сводкой Госкомстата за I квартал, и поэтому он отмечает: «но ... в социальной сфере положение продолжает ухудшаться» [4]. Далее приводятся цифры, наглядно свидетельствующие о росте социальной дифференциации и возросшем уровне бедности, о «позорном положении» врачей, учителей, работников науки. В чем же видит автор причину этого ухудшения и этого позора? Согласно Лацису, виноват во всем «черный вторник» 11 октября прошлого года, когда Центральный Банк, порядком истощивший валютные ресурсы на торгах МВБ, отказался от очередной долларовой «интервенции». В результате курс доллара был рывком поднят биржевыми спекулянтами, в том числе иностранцами, с 3 до 4 тыс. руб. Власти быстро нашли «виновных» - в отставку был отправлен председатель ЦБ В. Герашенко. Тогда же были приняты экстренные меры и курс доллара ненадолго удалось сбить. Но затем он последовательно пошел вверх, достигнув

«роковой» отметки в 4 тыс. руб., спокойно перевалил через нее и остановился ныне на отметке 4,5 тыс. То, что курс доллара завышен в несколько раз и страна несет на этом огромные потери - несомненно. Но несомненно и другое: при сложившихся условиях падения производства, непрекращающейся инфляции и невозможности в данный момент перейти к фиксированному обменному курсу рост курса доллара объективно неизбежен. Население расплачивается не за эпизод, не за «черный вторник», а за всю социально-экономическую политику Гайдара—Чубайса—Черномырдина. Попытку Лациса «списать» ответственность с правительства на биржевых спекулянтов, действующих на основе установленных этим же правительством «правил игры», нельзя признать корректной. Гайдару же принадлежат слова, что спекуляция - нормальная форма развития рыночной экономики!

Позиция экономистов и публицистов рассматриваемого направления определяется в первую очередь их приверженностью политике насаждения капитализма в России по рецептам и под присмотром мировых финансовых центров. В теоретическом плане ими используется довод, который наиболее выпукло был сформулирован чл.-кор. РАН Н.П. Шмелевым: «...как экономисту мне безразлично в чьих руках она (власть. - М.Р.) будет - социалистов, либералов, демократов или даже генералов. Все они будут делать в экономике одно и то же, решать одни и те же проблемы, и, как показывает жизнь, вероятнее всего, одними и теми же методами» [5]. Заметим, что жизнь пока что этого не показала, так как власть с осени 1991 г. в России находится в одних и тех же руках; да и в докладе Н.П. Шмелева на Президиуме РАН, цитату из которого мы выше привели, автором было высказано немало дельных предложений по корректировке курса экономической политики правительства.

Убеждение в отсутствии альтернативы (во всем основном) проводимой властями политики «вхождения» в мировое хозяйство российской экономики со всеми унаследованными ею от прошлого перекосами в структуре хозяйства и ценообразовании, технической отсталостью в гражданских областях промышленности, неэффективностью и неконкурентоспособностью и т.д. имеет своей философской основой тот самый «экономический детерминизм», который бесосновательно приписывают Марксу. Субъективному фактору в этой концепции отводится сугубо вспомогательная, второстепенная роль, а ответственность «верхов» за социальные последствия проводимой ими политики для страдающих «низов» как бы снимается.

В рассуждениях социологов той же ориентации социальные проблемы и роль субъективного фактора не могут быть обойдены, хотя бы в силу специфики данной науки и роли изучения общественного мнения в политической социологии - в особенности. Углубление экономического кризиса, продолжающееся падение уровня жизни основной массы населения, растущая пропасть между богатством и бедностью, т.е. ход развития **общественного бытия**, находит отражение в **общественном сознании**. В отличие от некоторых ученых, народ в своей массе не сомневается в том, кто является подлинным виновником его бед. Поскольку с октября 1993 г. в стране установился режим личной власти, неприятие правительственного курса проявляется прежде всего в уровне доверия к президенту. Согласно всероссийскому опросу, проведенному Институтом социологии РАН, в ноябре 1994 г. «полностью доверяли» президенту 4%, «в основном доверяли» - 16%. В программе «Итоги» в конце мая с.г. были приведены данные Фонда «Общественное мнение», согласно которым в той или иной степени доверяют президенту 9% опрошенных, а не доверяют - 79%. При учете различий в методике опроса сравнение свидетельствует о существенном снижении рейтинга первого лица в государстве, облеченного полномочиями более обширными, чем в свое время Генсек ЦК КПСС, поскольку последнему приходилось считаться с мнением других членов политбюро.

Недоверие к власти имеет своей оборотной стороной желание заменить ее. Весьма показательны в этом отношении данные, приведенные директором ВЦИОМ Ю. Левадой в статье, само название которой призвано настроить читателя на вполне определенный лад: «Угроза или пугало?» Автор отмечает: «еще в конце прошлого

года более 80% опрошенных готовы были полностью или в основном согласиться с тем, что "государство должно немедленно и любой ценой навести порядок в стране". Более того, 70% опрошенных дало положительный ответ на провокационно поставленный вопрос: «Нужен ли для этого вождь, способный "железной рукой" навести порядок?» [6]. Автор намеренно пугает читателя «железной рукой», «вождем», «фашизмом» - таково «фирменное блюдо» «Московских новостей» и ряда других органов печати, а также многих властных персон. Но Левада тут же успокаивает читателя: реальной угрозы фашизма, мол, пока что нет. «Обращение с такими пугающими данными, — пишет он, — требует известной осторожности: это показатели общественного настроения, а не реальных намерений людей». И далее: «Разрозненное и уставшее общество не готово превратить массовые настроения в активные действия».

Ю. Левада, безусловно, прав в том, что надо различать **настроения, реальные намерения и активные действия**. Он отчасти прав, характеризуя современное российское общество как разрозненное (вследствие растущей социальной дифференциации, вынужденного ухода части рабочего класса и интеллигенции в коммерцию и страха перед безработицей) и уставшее (поскольку давно терпит невзгоды и убедилось в готовности власти подавлять протест) Но в этом он прав не полностью. Единый день протеста профсоюзов 12 апреля с.г., прошедший в основном под «голубым флагом» при весьма скромном экономическом требовании - вовремя выплачивать зарплату - показал, что осознание нетерпимости жизненных условий заставляет действовать вопреки усталости. 12 апреля красные флаги и требования политического характера («правительство в отставку», «досрочные перевыборы президента») в ряде мест уже прозвучали. На еще более многолюдных демонстрациях 1 мая красный цвет знамен и политические лозунги преобладали, а 9 мая - в день 50-летия Победы - абсолютно господствовали.

И вовсе неправ Левада, когда подменяет угрозой надуманной угрозу подлинную для компрадорской буржуазии и новой бюрократии - приход к власти левых оппозиционных сил легитимным путем, несмотря на все препятствия, чинимые Конституцией 1993 г. и действиями администрации. В стране, победившей фашизм в смертельной схватке и продемонстрировавшей в день 50-летия Победы непримиримость ко всем его проявлениям, реальной угрозы фашизма нет, ибо опоры в массах он не имеет. Но **уровень** движения протеста, действительно, пока что не соответствует объективно сложившемуся **потенциалу** протеста против антинародной политики насаждения «дикого» капитализма и подчинения России Западу. В чем причина? Рассмотрим два теоретических рассуждения по этому поводу.

Первое содержится в отчете Института социологии РАН за 1994 г. «Спад массовости протестного движения», говорится в нем, связан с «отсутствием у политической оппозиции конструктивной альтернативной политики», т.е. программы выхода из кризиса. На общем собрании Отделения философии, социологии, психологии и права РАН, состоявшемся в конце марта с.г., этот тезис был подвергнут критике. Проводилась аналогия. Разве в 1903 г. не было программ решения назревших проблем развития тогдашней России у кадетов, эсеров, наконец, у РСДРП, принявшей, как известно, программу на 11 съезде именно в этом году? Однако в 1903 г. наблюдались только первые сполохи будущего революционного подъема. Понадобились поражения царизма в русско-японской войне, расстрел демонстрации питерских рабочих 9 января 1905 г. Они дали толчок, и революция началась. Но суть дела, конечно, не в аналогиях. Разве директор Института социологии В.А. Ядов, отстаивавший этот тезис, не знает о существовании конструктивной программы выхода из кризиса, предложенной в 1994 г. Российской академией наук и Фондом «Реформа», в разработке которой принимали участие виднейшие экономисты страны? Председателем Комитета Государственной Думы по экономической политике, лидером ДПР С. Глазьевым была предложена обстоятельно разработанная программа при обсуждении бюджета РФ на 1995 г. Документы III Съезда Компартии РФ также содержат

программу коренного изменения курса экономической и социальной политики. Мы здесь не собираемся входить в обсуждение достоинств и недостатков этих (и других) программ. Отметим только общие моменты в них: наведение демократическими методами порядка в стране, усиление регулирующей роли государства, придание социальной направленности политике.

Рассуждения В.А. Ядова (как и других идеологов «неолиберализма») имеют своей теоретической основой убеждение в безальтернативности движения России по пути капиталистического «догоняющего развития», как объективной необходимости для отставшей страны при ее вхождении в «мировую цивилизацию». Популярная в современной социологии «теория модернизации» предусматривает, что такое «вхождение» означает экономическое (а тем самым политическое) подчинение синклиту наиболее развитых стран во главе с США и находящимся в их полном подчинении международным финансовым организациям, равно как неизбежные на этом пути «социальные издержки».

Другое, притом весьма своеобразное рассуждение принадлежит доктору философии, известному публицисту С. Кара-Мурзе и требует более тщательного анализа. Мы согласны с автором статьи в «Правде» [7] в оценке компрадорской буржуазии и новой «номенклатуры», а также в отрицании экстремизма в рядах оппозиционных сил: «Не сорваться в гибельное противостояние, - пишет он, - можно будет лишь при мощной, однозначной поддержке большинства населения». Хотелось бы, конечно, узнать мнение автора на неизбежно возникающему при этом вопросу: какие политические силы и каким образом могут эту поддержку завоевать? Но от него автор уклоняется, предлагая «для начала» ответить на «более простой» вопрос: почему наш народ отвернулся от социализма, почему поверил «в миф Ельцина», как крутого борца с привилегиями партбюрократии? И отвечает на него следующим образом: демократы с помощью СМИ раздули привилегии прежней номенклатуры (на деле весьма умеренные для правящего слоя), и тем была нанесена «рана сердцу» - воспитанному социализмом **чувству справедливости**. В десятки раз большие привилегии нынешней, дорвавшейся до власти (не имеющей «ограничителей» в лице КПК) номенклатуры, и во сто раз большие «куски» народного добра, отрываемые компрадорской буржуазией и мафией, не воспринимаются столь болезненно, ибо, мол, от капитализма ничего иного ждать не приходится. **Сознание** трудящихся принимает новую реальность, в то время как «тоска по социализму» владеет их **подсознанием**. В результате «в народе произошло **расщепление сознания**, заливаемое **водкой и преступностью**» (выделено мною. - М.Р.)

Автор прав, рана народу нанесена, и глубокая. Но почему он считает, что **только** сердцу, как явствует из названия статьи? На наш взгляд, сердце и разум, т.е. эмоциональная и рациональная стороны психики, как у индивида, так и в обществе, теснейшим образом взаимосвязаны. В обследованиях, которые проводят социологи, людям задают вопросы и они на них отвечают с помощью понятий, т.е. разума; стало быть, их эмоции осмысливаются разумом. Рана нанесена как **чувству** справедливости, так и **понятию** справедливости! И, чтобы выйти из состояния пассивности, необходимо совершить переход от эмоциональных оценок случившегося со страной к разумным действиям по исправлению создавшегося положения, выходу из кризиса.

Преодолеть кризис невозможно, во-первых, без **теории**, которая объясняет причины развития событий и указывает на возможные пути борьбы за улучшение положения подавляющего большинства общества, и, во-вторых, без **организации**, которая способна перевести коллективное сознание в коллективное действие. Но автор отрицает значение марксистской теории, по крайней мере для России (для Польши и Венгрии, кстати, правомерность ее применения левыми силами им признается). «Как легко было бы сегодня стряхнуть пыль с основ марксизма и начать бороться против новой буржуазии», - восклицает автор! Им начисто игнорируется тот факт, что эту пыль российские коммунисты и социалисты (принадлежащие к

разным партиям и группам) уже стряхнули, что в своих программных документах, заявлениях и т.д. они исходят из необходимости **творческого** применения наследия Маркса и Ленина в совершенно новой, поистине **уникальной** исторической ситуации, сложившейся в России. Ее уникальность в том, что **социальное** унижение основной массы трудящихся, потерявших завоеваний социализма, неразрывно сплелось с национальным унижением русского народа, значительная часть которого в одночасье оказалась иностранными гражданами или апатридами, лицами без гражданства. И почему, хочется спросить автора, нужно бороться только против буржуазии? А против государственной бюрократии, охраняющей «новый порядок» и свои привилегии всеми способами — от идеологического пресса СМИ до танков, сокрушающих огнем орудий парламент с засевшими там народными избранниками? А против иностранного экономического диктата и политического вмешательства, в том числе перспективы продвижения границ НАТО сегодня до Бреста и Нарвы, а завтра, может быть, до Краснодара и Брянска?

Но для автора обратиться к марксизму в сегодняшней России - это значит взять на вооружение теорию, которая, якобы, «описывает человека **рационального**». Стоит напомнить, что человека вообще именуют homo sapiens, т.е. человеком разумным, рациональным. Наши люди - не исключение. Марксизм, как всякая теория, находит выражение в рациональной форме, в системе понятий. Но из этого вовсе не следует, что он не учитывает чувства, эмоции, настроения народа, входящих в него классов, слоев, групп. Если же, как утверждает автор в другой статье, марксизм - это только «одна из теорий, идеологий индустриализма, то есть западного классового общества» [8] и поэтому, мол, для России, как «особого типа цивилизации», не подходит, то какую иную социально-философскую, социологическую, социально-экономическую и т.д. теорию, адекватно отражающую происходящие в стране глубинные процессы, он может предложить общественности? В ряде статей, опубликованных в течение мая с.г. [9], С. Кара-Мурза отстаивает мысль, что основному противоречию современного российского общества присущ не социально-классовый, а нравственный, более того, даже **этнический** (!) характер - между «совками» (советскими людьми), сохранившими «общинные», коллективистские установки, и «новыми русскими», усвоившими индивидуалистические буржуазные ценности западного общества. Это своеобразное воззрение призвано, по-видимому, заменить «оставшуюся после истмата кашу в голове» (выражение автора) и требует особого разбора, который бы над увел далеко от темы.

Упомянутые автором способы «лечения» раны сердца - пить водку и (или) добывать средства к жизни преступным путем, к сожалению, получили у нас достаточное распространение. Водка (относительно всех других продуктов) очень дешева, и ее потребление неуклонно растет, Россия выходит в чемпионы, душевое потребление чистого алкоголя достигает 14—16 литров в год, народ спивается. Из 10-12 млн. преступлений за год фиксируется 2,5 млн., но и из них раскрывается только половина. Преступность захлестывает страну и становится все более безнаказанной - от мелкого воровства до беспрепятственного вывоза награбленных миллиардов долларов за границу, от банального хулиганства в пьяном виде до заказного убийства членов Думы. Однако вопреки тому и другому растет движение протеста. Позиция, занятая С. Кара-Мурзой, порождена, на наш взгляд, абсолютизацией слабости этого движения и отсутствием единства взглядов и действий среди левых оппозиционных политических партий и движений.

В заключение следует отметить, что все упомянутые авторы, хотя и с разных позиций, приходят к **недооценке роли субъективного фактора** в современных российских условиях. Для идеологов неоллиберализма, ратующих за продолжение нынешней политики, это вполне естественная позиция: народу «суждено терпеть» и пусть он спокойно ждет плодов передела собственности и ускоренной капитализации страны. С. Кара-Мурза - противник этого политического курса, но наступившая пос-

ле октября 1993 г. полоса спада общественно-политической активности масс настроила его (и не только его) на пессимистический лад.

Способствует возникновению подобных умонастроений также отсутствие соглашения о единстве действий между так называемыми патриотическими и коммунистическими силами, внутри каждого из этих лагерей. В связи с разнобоями в оценке чеченских событий эти разногласия временно обострились. Нам представляется, что надуманное противопоставление сердца народа его разуму является одним из выражений известного разочарования в перспективах «протестного движения», как выражаются авторы годового отчета ИС РАН. Следует учитывать, наконец, что прописанная сверху «двублоковая терапия» призвана отколоть известную часть оппозиционных сил, прежде всего профсоюзы, на выборах в Думу в конце года.

Предвидеть развитие событий в столь бурное время весьма затруднительно. Но мы склонны полагать, что дальнейшее ухудшение жизненных условий, разорение страны и распродажа ее богатств будут способствовать росту сопротивления политике нынешнего правительства и президентской администрации. Мы сохраняем веру в разум и созидательную энергию русского и других народов России, в их способность вывести в конце концов страну из подлинно катастрофического состояния и тем расчистить путь для восстановления мощи державы и утраченных ею в мире позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Моск. новости. 1995. №31. С. 27.
2. Независимая газ. 1995. 25 апр. С. 1.
3. Финансовые известия. 1995. № 35. С. V.
4. *Лацис О.* Население России продолжает расплачиваться за «черный вторник» // Известия. 1995. 11 мая. С. 2.
5. *Шмелев Н.П.* Экономические перспективы России // Вестник РАН. 1995. № 5. С. 295.
6. *Левада Ю.А.* Угроза или пугало? // Моск. новости. 1995. № 21. С. 5.
7. *Кара-Мурза С* Рана сердца, а не разума // Правда. 1995. 5 апр. С. 2.
8. См.: Правда. 1995. 6 мая. С. 3.
9. См.: Правда. 1995. 6 мая; 1995; 24 мая; Сов. Россия. 1995. 8 мая; 1995. 20 мая; 1995. 23 мая.